Глеб Пудов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Глеб Александрович Пудов
Представления (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11970471
Представления/ Пудов Г. А.: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9905927-8-0

Аннотация

Книга состоит из трех частей: автобиографических записок, путевых очерков и коротких рифмованных текстов. Автор выразил впечатления, полученные в многочисленных поездках по России и зарубежным странам.

Содержание

Представление биографическое 4
Акт 1. Внутри рода и племени 5
Истоки 7
О родителях 11
Horresco referens[8] 18
Как я изучал атомную энергетику 25
Акт 2. Границы расширяются 27
Рассказ о потерянной дружбе 33
Акт 3. Культурная столица 37
Вдали от дома 39
Воспоминания о поэзии 44
Учитель 48
Герой и большая литература 49
Рассуждения о неких опасностях 51
О свойствах памяти 55
Мысли о человеческом самолюбии и рассказ о церкви 56
И вновь о поэзии 59
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Глеб Пудов
Представления

«Весь мир – театр, в нём женщины, мужчины – все актеры»
У. Шекспир

Представление биографическое

Действующие лица:

1. Будущий лирический герой
2. Его родители, хорошие во всех отношениях люди
3. Друг героя, прекрасный молодой человек
4. Одноклассники, толпа второстепенных персонажей без голоса
5. Циркач, самый зловредный из одноклассников
6. Однокурсники, милые молодые люди разной наружности

Акт 1. Внутри рода и племени

Тридцать лет назад в России был особенно холодный февраль. Метель заметала следы, как опытный вор; горы снега по-мунковски[1] кричали о том, что до весеннего оптимизма еще очень далеко; сосны трещали подобно престарелым суставам; газеты добавляли свой голос к этому хору безнадежности сводками о замерзших. По утрам зловещие сумерки. Даже птицы не откликались на эти утра.

Тот день мало чем отличался от других. В маленьком уральском городке под романтично-песенным названием Заречный сознательные советские граждане, подчиняясь древнему инстинкту, спешили на рабочие места. На рабочие места у станков, витрин, письменных и хирургических столов, просто столов. Глядя поверх пуховых платков туда, где должно было быть небо, сотни будущих сознательных советских граждан ехали на санках к манным кашам, сонным воспитательницам и кем-то уже раскрашенным книжкам-раскраскам. Фабрики, как полагается, дымили.

В одном из окон неприметного двухэтажного дома, стоящего посреди соснового леса, горел свет. Кто-то не спал. Комната, в которой даже домовой был бы побрит-помыт и стоял навытяжку, до краев была наполнена белыми людьми.

---

[1] Эдвард Мунк (1863–1944) – норвежский живописец и график, теоретик искусства. Одно из самых известных его полотен – «Крик» (1893).

Они передавали друг другу красный шевелящийся комочек. Он кричал и норовил вырваться из рук. Этим комочком был я, и то утро было моим первым утром. Не самым приятным. Если выражаться словами лучшего поэта на земле, живущего на тот момент уже восемь лет за рубежом, жизнь показала мне зубы при первой встрече. Замаскировавшись под мрачного хирурга, она осуществила холодной резиновой перчаткой свои первые воспитательные действия. Комочек поначалу не хотел приветствовать окружающую действительность истошным криком, поэтому был бит суровой рукой врача по тому месту, которое имеет подозрительно много определений в русском языке.

С тех пор прошло много лет. Комочек изменился. Внешне он стал тем, кого льстящее себе человечество называет homo sapiens. Прямая спина, две руки, две ноги, одна голова, – все как у тех, кому очень повезло в этой жизни. Но чем больше было в этом homo от sapiensa, тем больше он осознавал себя только что родившимся красным комочком. Потребность роста, издревле существовавшая в живом существе, подталкивала к саморефлексии. Поначалу она имела вид примеривания к себе фрейдистской теории. Но внутренний мир реагировал на эти попытки как на оскорбление. Поэтому разум вынужден был обратиться к другим источникам: художественной литературе, философии и религии. Воспитанный большей частью на русской классической литературе с разбавлением этого воспитания трудами отечественных фило-

софов, разум со временем начал подталкивать «cogito, ergo sum»[2] к выражению в письменной речи. При этом момент соревновательности совершенно отсутствовал. Слишком отличались масштабы пишущих на темы самопознания. К тому же не каждое произведение пишется с прицелом на вечность. Как позже заявил комочек в одном из своих стихов, внутренний рост не отметить черточкой на дверном косяке. Но для внимательного наблюдения за быстрыми мутациями своего внутреннего мира есть другие способы (по словам одного великого человека, мир похож на олимпийские игры: одни участвуют в забегах, другие торгуют для зрителей, третьи наблюдают; автор сих строк, как уже догадался читатель, принадлежит к последним). Один из них – письменная фиксация всего происходившего, анализ его причин и попытка на основе этого подготовить себя к грядущему. Для этого и необходимы писания, подобные нижеследующим.

Истоки

По семейной легенде прадед был австрийцем. Сегодня, смотрясь в зеркало, я могу решительно заявить, что сии сведения могут быть в лучшем случае метафорой. Впрочем, как известно, одно из старообрядческих согласий носило название австрийского. Можно предположить, что предки мои

[2] «Cogito, ergo sum» – «Мыслю, следовательно, существую» (с лат.). Философское утверждение французского философа Рене Декарта (1596–1650).

были старообрядцами. Их всегда было много на Урале.

На демидовских заводах укрывались бежавшие от преследований раскольники (проезжавшие Урал в XVIII столетии ученые путешественники с ужасом отмечали, что подавляющее большинство жителей заводов – «раскольщики»). Думаю, от одного из этих несчастных и можно начинать отсчет моей биографии.

Баранчинский завод около Нижнего Тагила, основанный два века назад одним из первых Демидовых, был родиной моего отца. Пейзаж типичен: пруд, леса, горы, пышущие жаром кирпичные здания. Папа был вторым ребенком в семье, всего детей было четверо. Простая заводская семья. Жила в большом деревянном доме, окруженном со всех сторон хозяйственными постройками. Позднее, когда я читал книги по истории уральской деревянной архитектуры, мне встретилось описание отцовского дома. Такие жилища имели большой крытый двор с расположенными по его периметру сараем, сеновалом, помещениями для животных. Часто люди жили в таком «рукотворном комплексе», не выходя за пределы обитаемого пространства. Причинами этого было, по словам исследователей, суровая уральская природа и многочисленные лихие люди, угрожающие домашней крепости всевозможными бедствиями.

Дед прожил недолго, но ярко. Он трудился на заводе, пил водку и брал Берлин. Приход в этот мир моего старшего брата стал одновременно прощанием с дедом. Военные раны и

воспоминания убили его. Бабушка жила чуть дольше. Это была очень добрая женщина. Жена своего мужа. Кто знает, что было хуже: немецкие пули или ежедневная изматывающая работа на заводе? Я мало знаю про них. Про этих двух родных мне людей. Однако факт того, что они смогли в условиях советской действительности воспитать четырех детей, которые в будущем стали здравомыслящими гражданами, говорит о многом. У папиных братьев и сестры были, в общем, одинаковые судьбы – иногда трагичные, но чаще обычные.

Семья мамы была в чем-то похожа на папину. Ее родители также не избежали войны (а кто избежал?). Он был фронтовым разведчиком, она – фронтовой медсестрой. Любопытна история их знакомства. Дед возвращался после задания в блиндаж. Неожиданно начался немецкий авианалет. Когда самолеты, удовлетворенные, уползли восвояси, он – в ту пору бравый офицер, а если еще точнее, бравый офицер, лежащий на земле, – поднялся, отряхнулся и… увидел сапоги. Хорошие сапоги. Они всегда были ценностью на фронте. Дед немедленно их ухватил и потянул к себе. Но в сапогах оказался человек, засыпанный землей. Этим человеком был сержант медсанбата и одновременно моя бабушка. Дед, конечно, понял это позже. Но мне, имеющему преимущества хронологического порядка, уже позволительны такие предсказания.

Они прожили долгую жизнь в селе, скрытом от внешне-

го мира горами и лесами. Село называлось Саргая и находилось на Урале, в Красноуфимском районе. Это был край холодных горных рек, гигантской малины и особенно злобных комаров. Прекрасные декорации для съемок фильмов про сибирских кулаков. Это оценил один из советских режиссеров и снял там фильм «Тени исчезают в полдень». До сих пор люблю смотреть на деда в роли красноармейца-вестового (эпизодическая роль, своеобразный привет из того мира). Но возвратимся к началу. Дед – бывший офицер разведки – был направлен в это село восстанавливать разрушенное хозяйство. Он был председателем леспромхоза. Судя по нынешнему состоянию вверенной ему организации, дед неплохо справился с заданием. Несмотря на многие трудности. Одной из них был характер его жены. Он был таков, что муж одной из ее дочерей однажды в сердцах сказал деду: «Зачем же ты ее из земли вытаскивал?!» Молчание остальных родственников выражало солидарность с вышедшим из повиновения членом клана. Впрочем, бабушка была дочерью своего времени. Страшного времени. Прав поэт А. Кушнер, сказавший, что «времена не выбирают»[3]. Поэтому не выбирают и родственников.

У бабушки было три дочери. У каждой – собственная судьба. Иногда очень печальная. Последствия неправильных решений всю жизнь преследуют человека, иногда – становят-

[3] «Времена не выбирают» – название стихотворения русского поэта А. С. Кушнера (1936).

ся причиной его преждевременного ухода. Преждевременного с точки зрения продолжительности человеческой жизни.

Младшая из дочерей стала моей мамой.

О родителях

Тут начинается другая история, которая имеет ко мне уже самое непосредственное отношение. Мама выбрала профессию своей мамы: тоже стала медсестрой. Сегодня я уже не знаю, откуда начинать историю моей семьи. С выбора бабушкой профессии? Со встречи ее с дедушкой? С выбора мамой профессии? Со встречи ее с моим будущим папой? Как бы то ни было, мама как будущая медсестра была направлена на практику в Баранчинский завод, уютно расположившийся за спиной Нижнего Тагила. В это время мой будущий отец, не ожидая такого подарка, уныло готовился к поступлению в техникум. Изобретательность судьбы на этом иссякла. Ее игра стала заметна невооруженным глазом.

После ряда перипетий мои будущие родители прослушали дежурные песни Гименея и решили покинуть поселок при Баранчинском заводе. Естественно, им пришлось ответить на вопрос: куда ехать? Венеция и Париж по понятным причинам были вычеркнуты из списка городов – кандидатов. Долгое обсуждение подарило молодым супругам мысль о городе Заречном, затерявшемся в бескрайних про-

сторах Свердловской области. Он обладал значительными преимуществами по сравнению с другими городами и весями: здесь строилась атомная станция, были необходимы молодые сильные руки. В обмен на них счастливые обладатели этих рук снабжались жилплощадью. Маленькой, но своей. Для молодой семьи Заречный был счастливым билетом. Итак, выбор был сделан. Определена точка на географической карте, ставшая моей родиной и одновременно местом жительства до двадцати лет.

Я немного исказил факты. Этот город стал моей родиной, но не стал местом жительства на двадцать лет. Через некоторое время мы отправились в Нижний Тагил. Ссылка туда продлилась ровно пять лет. Я по малолетству не ощущал себя декабристом, чего не могу сказать о родителях. Они расценивали тот продолжительный вояж как самоудаление. Но не как больного зуба, а скорее как отшельника в пустыню. Характеру моих родственников позавидовал бы и Катилина[4]. Спасаясь от этого характера, мы покинули пределы Заречного.

Нижний Тагил с радостью предоставил нам политическое убежище. Причин нашего появления именно там было несколько. Баранчинский завод – один из ветеранов отечественной промышленности, находился вблизи Тагила. Близость другой ветви родственников внушала моим родителям

[4] Луций Сергий Катилина (108 г. до н. э.– 62 г. до н. э.) – римский патриций, прославился твердостью характера.

больше оптимизма при взгляде на будущее. К тому же, Тагил – большой город, следовательно, преимуществ цивилизации там несравненно больше, чем в глухой деревне. Да и руки, и головы там ценились не меньше Заречного. Недостаток у города был один: синий снег. В черте города находились металлургические предприятия, которые, подобно Пикассо или Малевичу, занимались окрашиванием местной флоры, фауны и вообще всего вокруг в незапланированные для них природой цвета. Снег был синим или зеленым (как и лица жителей), небо – желтое; земля постоянного цвета не имела.

Там я начал первые посещения муниципальных (анахронизм: подобные буржуазные слова были в пору моего детства вне закона) организаций. И вот тут я уже вынужден претворять в жизнь одно из писательских правил Н. Н. Берберовой: «не беда, если на 600 страниц автобиографической прозы приходится 600 страниц автобиографического умолчания» [5]. Формулировка не совсем точна, но суть сохранена. Именно этим периодом отмечены те мои поступки, о которых, слишком догадываясь об их причинах и особенно следствиях, я вынужден умалчивать. Побережем нашу нравственность.

Однако главное событие моей жизни в этом среднеуральском городе перекрыло многое. Я считаю моментом своего настоящего рождения не тот миг в пронзенной светом комнате, который сопровождался мощным голосовым аккомпа-

---

[5] Имеется в виду автобиографическая книга Н. Н. Берберовой (1901–1993) «Курсив мой».

нементом. Истинное рождение произошло тогда, когда я научился читать. Прекрасно помню эти мгновения.

Мы сидели с мамой в зале нашей квартиры, продуваемой всеми местными сирокко и бореями. Хрустальная посуда, лукаво поблескивая из-за толстых стекол шкафа, неизменно отзывалась на мерный шаг проходящего мимо окон трамвая. Солидарность часов с хрусталем наполняла комнату чуть слышными твердыми звуками. В руках у нас была небольшая книга, содержание которой уже навсегда исчезло в недрах моей памяти. Я старательно выговаривал какие-то крючки и палочки, к моему величайшему изумлению называемые мамой странным словом «буквы». Эти буквы упорно не желали складываться в слова и предложения. Они бодро двигались вслед моему пальцу, перепрыгивали через цветные картинки, весело перелезали на следующую страницу, но упрямо не брались за руки. Дерево не становилось лесом, птица – стаей, изба – деревней. Парад сравнений не может отразить моего мокрого отчаяния. Сцена напоминала известную скульптуру из Русского музея, называющуюся «Первый шаг». Скульптор Каменский показал молодую маму и ее малыша, который, временно изменив собачкам и паровозам, начал приучение своих подошв к поверхности пола. Трудность сего первого шага должно было отразить нечеловечески серьезное выражение лица подопечного. Вероятно, Зевс, в очередной раз водворяя мир между народами, имел такое же лицо.

Знаменательный момент проходил мимо меня, буквы продолжали скакать по белому листу. И вдруг на мгновение – о, это мгновение! – две буквы почти случайно слились в слог. Это произошло так неожиданно, что я на секунду оторопел. Затем поднял голову за разъяснением к маме. Ее шумное одобрение было главным признаком подлинности выбранного направления. Сейчас я, идя на поводу у святости момента, не стану описывать ощущения Сверхъестественного, Небесного, Необычайного. Обычно в таких случаях с умилением рассказывают о некой вспышке, ярком всплеске сознания, на миг озарившем все существо ребенка. Однако в моем случае ничего подобного не было. Я просто научился читать. Ремесленник попал молотком по гвоздю, паровоз встал на рельсы, планета начала вращение. Именно эта обычность, заурядность произошедшего есть, на мой взгляд, признак его истинности, «настоящности», в конечном счете, и неизбежности, ибо свидетельствует о своей внедренности в общий ход человеческой жизнедеятельности.

Далее я, как тот скульптурный малыш, начал делать первые шаги, соединяя буквы в слова, слова – в предложения, предложения в абзацы, абзацы – в полный текст. Раньше он представлял собой нечто раздробленное, полое и холодное, словно космос с привинченными в нем звездами. В тот незабвенный миг моя Вселенная приняла воспринимаемый образ, ясные очертания. Она стала живым, дышащим организмом, появление которого я считаю заслугой мамы. Она бы-

ла со мной при двух событиях: моем рождении как человека и моем рождении как человека разумного. Она дважды произвела меня на свет. Забегая далеко вперед, скажу, что с не меньшим блеском мама сыграла и культуртрегерскую роль. Самым ярким ее выражением стали почти ежегодные поездки в Петербург, которыми украшались мои внешкольные июли и августы. Благодаря этому человеку я трижды появился на свет: как человек, как человек разумный, как человек определенной культуры.

По словам великого немецкого поэта[6], книги и путешествия заставляют сознание взрослеть, проще говоря, развивают человека. И если первые почти с рождения вошли в мою жизнь (и пребывают в оной до сих пор), то поездки начались чуть позже.

Мы путешествовали почти ежегодно в середине лета. И очень часто – в Петербург. Уже в поезде (только в поезде, самолет всегда оставался для меня голубой мечтой; одной мечтой стало меньше, когда я однажды попробовал этот вид транспорта) намечался список «мест, обязательных для посещения». Обычно в него входили все хрестоматийные достопримечательности Петербурга: Эрмитаж, Лавра, Крепость, Всадник, прочие каменные и медные прелести. Поездка всегда проходила удивительно, я никогда не уставал смотреть на много раз виденные шедевры. Наверное, как я думаю сейчас, причиной этих путешествий была та самая тоска

[6] Имеется в виду И. Ф. Гете (1749–1832) – великий немецкий поэт и мыслитель.

по культуре, о которой писал О. Э. Мандельштам. При всей любви к родине, при всем моем уважении к ней, у нее никогда не было Дворцовой площади, Эрмитажа, Летнего сада. Можно много и увлеченно говорить о том, что красота Урала в другом. Что местное искусство имеет свои шедевры. Что рифейский[7] климат гораздо полезнее чухонского, однако факт остается фактом – меня все больше тянуло в Петербург и, классе в восьмом, я решил, что если жить в России, то жить в городе святого Петра.

Значение этих поездок имело благотворный смысл кружки воды в иссушенной пустыне. Я понял, что мир вовсе не заканчивается за пограничными столбами области, что до сих пор я жил в крайне упрощенной среде. Естественно, у меня возникло желание покинуть ее. Своеобразной репетицией стало пребывание в Екатеринбурге в качестве студента, о чем упомяну чуть позже. Однако оно почти с самого начала лишилось этой все объясняющей причины. То есть я жил в большом городе не потому, что был студентом отсутствующего в моем родном населенном пункте высшего учебного заведения, а по той простой причине, что мне нравилось жить именно в мегаполисе, коим и являлся Екатеринбург (мегаполисом его можно назвать скорее в количественном смысле, чем в качественном). Относительная редкость моей профессии, неистребимое желание жить среди гранит-

[7] Рифейский – уральский. По одному из отождествлений Рифейские горы – Уральский хребет.

ных домов и мостовых, а также ненависть к ничего не говорящим бетонным коробкам Екатеринбурга заставили меня купить билет на поезд и попрощаться с уральскими пенатами.

Horresco referens[8]

Но вернемся к моему детству, уже сильно подозревающему о существовании отрочества.

Постепенно с зареченскими катилинами были восстановлены дипломатические отношения. Изгнанники получили право вернуться в лоно семьи. И тут начинается моя школьная трагедия. Ее ни в коем случае нельзя отнести к трагикомедии или еще к какому-нибудь другому литературному жанру. Это была трагедия в полном смысле слова.

Если процесс прилипания моих рук к книгам начался в благоприятных условиях домашнего затворничества, то знакомство с авторучкой и карандашом состоялось в школе. Некоторые обстоятельства пребывания в том казенном заведении свинцовой плитой давят на мое сознание до сих пор. Я имею в виду то, что описывал Куприн в сочинениях, связанных с учебой в гимназии. Вероятно, многие проблемы человечества по сути своей неизбежны и, как следствие, вечны. Отношения между одноклассниками относятся именно к таким. При благоприятных условиях школьное времяпрепро-

[8] «Horresco referens» – «Страшно рассказывать об этом» (с лат.).

вождение может стать фоном многих приятных воспоминаний. При другом развитии событий – источником комплексов, ведущих за человека его жизнь до самого конца его присутствия среди дышащих.

Особенность школьного возраста – в его «серединности», переходности, тяжелом состоянии «между всего». В это время обнажаются те явления, которые взрослая человеческая особь обычно старается скрыть, затушевать или придать видимость существования у них более благородной причины. Быть, по словам Христа, как дети не всегда мило и чисто. Жажда первенства, чаще всего основанная на культе физической силы, половой инстинкт, принимающий уродливые формы, подхалимство ради достижения своих целей (каких? см. начало предложения), стадные наклонности, – все это делает обычный среднестатистический класс копией (и одновременно карикатурой) общества в целом. Говорят, что дети жестоки. Но они таковы именно в силу их возносимой на пьедестал непосредственности. Лицемерие большинству из них еще незнакомо.

Я стал учеником обычного класса. Вследствие того, что в первый класс я пошел в центре уральской металлургии, здесь попал сразу во второй. В Тагиле у нас не было английского языка, поэтому я стал учеником школы, считающейся самой отсталой в городе. С одной стороны, я попал в общество малолетних «середняков», что сразу привело меня к поначалу неосознанным, но потом все более сознательным

попыткам быть «не в массе». Тут я легко преуспел, ибо общество было средним во всех отношениях. С другой стороны, именно это обстоятельство и сделало мое пребывание в школе пародией на первую часть дантовой «Божественной комедии». Впрочем, стремление изжить те «приобретения», которые я самым несчастным образом сделал в пору своего общения с одноклассниками, двигает сейчас стержень моей авторучки.

Класс, к которому я был причислен, представлял собой монолитное образование. Откровенных идиотов было мало. Думающих тоже. Подавляющая часть была довольно безобидной толпой. Но в этом и была причина моих бедствий. Дело в том, что толпа по сути нейтральна. Это нечто вроде мычащей материи без анаксагоровского Нуса[9]. Момент случайности (из-за массовости толпы) делает возмездие для каждого представителя массы необязательным. Это соображение, вкупе с действием простейших инстинктов, подталкивает отдельных человеческих особей к активной деятельности, к попытке стать во главе массы и тем самым реализовать врожденную «жажду власти» (на школьном уровне это всегда смотрится комично, однако подобные человеческие единицы позднее успешно пополняют ряды разного рода правителей). Толпа следует за такими.

Верховодили в моем классе, как водится, самые рослые,

[9] Анаксагор (ок. 500 до н. э. – 428 до н. э.) – древнегреческий философ, астроном, математик. Нус (Ум) – одна из категорий античной философии.

самые недовоспитанные, и поэтому искреннее других убежденные в своем превосходстве над остальными членами коллектива. Особенно выделялся один бодрый представитель циркового племени. Куда только не заводили этого ребенка постоянные скоморошьи упражнения в папином вертепе в ущерб здоровым детским занятиям: чтению, пусканию корабликов весной, игре в прятки и т. д.! Вероятно, недостаток добрых книг в доме или соответствующего внимания со стороны родителей сделали маленького циркача «фабрикой по самоудовлетворению». Половой инстинкт заставлял его совершать непристойные движения за затылками девочек, жажда первенства подталкивала не только к дракам, но и постоянным попыткам сделать свои физические показатели недосягаемыми для всей мужской половины класса. Те же инстинкты были причиной постоянных унижений тех, кто по его представлениям, не мог в ответ вести себя подобным образом. Презирал он, в общем, всех мальчиков. Но они были в массе своей членами его племени. Поэтому самую большую часть своего внимания он посвятил мне.

Как я уже писал, что-то постоянно выталкивало меня из общества одноклассников. Я находился чаще всего за чертой племени, был с его точки зрения преступником, ибо слишком часто переступал заветную линию. К таким людям общество всегда относится с подозрением, настороженностью, потому что человек, не отождествляя себя с каждым членом «коммуны», проявляет свое недоверие к законам и принци-

пам, царящим в ней. Я был таким человеком. И циркач это заметил. После серии сопящих конфликтов, выражающихся во взаимном прикосновении кулаками к лицу, оппозиция (то есть я) была подавлена. Однако глухая насмешка, всегда украшающая мои губы, привела к выводу о недобитости врага. Поэтому тактика была изменена. Она, когда позволили условия погоды, приняла следующие формы. Отныне был запущен мощнейший механизм под кодовым названием «мелкая подлость» или «плюнь незаметно». Он имел модификацию «Презираешь? Скажи об этом». Теперь, придя в класс, я часто обнаруживал воду на своем стуле (не понимаете? пятно на светлых брюках в одном из самых «удивительных» мест компрометировало человека в глазах окружающих, особенно особ женского пола, что автоматически исключало жертву из конкурентной борьбы за самок); или мой портфель на столе учителя; или надпись на доске (на парте, на полу, на двери и – самый шик! – в тетради) etc.

Иногда мучитель, устав, просто коверкал мою фамилию, стремясь придать ей оттенок, который бы клеймил мои порочные наклонности: «пед», «педикулеза», «педиатр». Вершиной этой фонетической изобретательности было розово – рявкающее «педик». Остается добавить, что при желании мою фамилию читатель может посмотреть на обложке и по достоинству оценить филологические способности моего врага.

Однако, как оказалось, это было только увертюрой. Благо-

датнейшую почву для упражнений в остроумии представлял собой мой физический недостаток. Дело в том, что при сильном внутреннем волнении я начинал (и начинаю) заикаться. Это обстоятельство стало мишенью для всех последующих выстрелов. Тот факт, что я продолжал не чувствовать себя Ниобидом[10], только подогревал усердие ревнивого божка. Травля началась с банального передразнивания, потом поднялась до вычерчивания зеркалом на школьной доске неких слов. Солнечный зайчик предательски содействовал моему обидчику. Самым нейтральным словом было вертлявое «заика». Пиком цирковой изощренности (и опять не без филологического таланта!) стало изменение всех слов, где есть буквосочетание с К, З, А, И до слова, так или иначе напоминающего мне (и окружающим, что особо важно, ибо это делалось для них) о моем речевом дефекте. Пример для иллюстрации: глагол «заколебать» (простореч. «надоесть», «измучить» и т. д.) неизбежно превращался в «заиколебать».

Учителя занимали по отношению к таким ситуациям позицию вооруженного нейтралитета. И я не виню их в этом. Чаще всего «неуставные отношения» имели место за пределами их взрослого взгляда. К тому же, учителя только в стенах школы были строгими тетями. Они же в другое время

[10] Согласно древнегреческой мифологии, Ниобиды – дети Ниобы. Ниоба – жена фиванского царя Амфиона. Она возгордилась своими детьми и вздумала сравниться с Лето (возлюбленная Зевса), у которой лишь двое детей: Аполлон и Артемида. Разгневанная Лето обратилась к детям и они уничтожили всех детей Ниобы: Артемида умертвила всех дочерей, а сыновей из своего лука убил Аполлон.

были матерями, бабушками, женами, сестрами. За школьными стенами у них кипела своя, более близкая им жизнь. Фанатиков профессии среди моих учителей не было.

Я вел себя, как истинный толстовец[11]. Это напоминало практические занятия по теории непротивления злу. Оппонент понимал сие как слабость (может быть, как я иногда думаю сейчас, он не ошибался), следствием которой была безнаказанность и он, удовлетворенный, увеличивал давление. Надо сказать, что почти во всех конфликтных ситуациях, обильно украшающих мои детство и отрочество, я вел себя подобным образом. Причиной были не только врожденные качества, но и осознание смехотворности происходящего. При всем его негативном влиянии оно казалось мне недостойным серьезного ответа. Как я понимаю сейчас, это было ошибкой, ибо сформировало во мне такие качества, с которыми я еще и сегодня продолжаю сталкиваться. Если продолжать рассуждения в этом направлении, то можно сказать, что роль циркача сегодня перешла в другие руки, и я, согласно выработанной в детстве привычке, продолжаю придерживаться глупой тактики непротивления. Я еще и поныне считаю, что не следует реагировать на каждое раздражающее явление, тем самым соединяя себя с ним. Однако меньше этих негативных явлений не становится, ибо чаще всего они имеют своим корнем простейшие инстинкты.

---

[11] Толстовец – приверженец религиозно – этического учения, основанного на произведениях Л. Н. Толстого: «Исповедь», «О жизни» и др.

Помню, мое детское раздражение от тех событий порождалось простым непониманием причины подобного человеческого поведения. Я не понимал, почему именно я становлюсь мишенью. Позднее я осознал и это. Но о нем в следующем разделе. Здесь же остается добавить, что благодаря приобретенному фатализму мое сознание смирилось с фактом постоянных детских унижений (уже тогда оно остро воспринимало все описанные ситуации именно как унижение), поняло причину многих сегодняшних комплексов. То, на что оно старалось закрывать глаза тогда, сегодня возвращается к нему в раздобревших масштабах. Как это ни странно, осознание этого укрепило мою жизнеспособность. Сегодня я благодарен тому циркачу. Он не только привил иммунитет к подобным людям, но и задал нижнюю границу в моей шкале внутреннего развития человека.

Как я изучал атомную энергетику

Несмотря на описанные школьные ужасы, сегодня я не могу однозначно негативно оценить мое пребывание в том заведении. Были и думающие дети. Их было мало. Общение с ними доставило мне много удовольствия. К тому же воспоминания об «Артеке», в который я был неожиданно отправлен администрацией школы за неизвестные заслуги, гасили любую ненависть при мысли о непромытой классной доске, больших окнах, глядящих на свободу, привычно кричащих

одноклассниках.

После окончания школы я попал в специальное учебное заведение, гордо именовавшееся поначалу «Белоярский энергетический техникум» (БЭТ), затем оно было повышено в чине, и стало называться «Белоярский политехнический колледж». С тех пор заведение поменяло множество вывесок, но суть осталась та же. В Заречном, где оно дислоцировалось, существовала поговорка «Ума нет – иди в БЭТ». В целом она точно отражала контингент учащихся и царившую там атмосферу. В техникум местные родители обычно отправляли тех своих чад, насчет умственных способностей которых не питали иллюзий. Вынужден с прискорбием сообщить, что и я оказался в кругу избранных. Прогнувшись под железной волей родителей, я окончил техникум, но пребывание в нем не оставило сколько-нибудь заметных следов в моем сознании. Я помню только колоссальных размеров чертежи, в которых я понимал меньше, чем капитан Кук в языке аборигенов. Благосклонная судьба не наказала меня за нелюбовь к иностранным языкам. Вспоминаются также два несчастных вольтметра, павших жертвой моей некомпетентности. Именно им я обязан мыслью о своей полной профнепригодности на ниве атомной энергетики. Следствием этой находки стало желание изменить профессию.

Акт 2. Границы расширяются

Город Екатеринбург, ощущающий себя столицей Урала, находится приблизительно в 50 километрах от того «муниципального образования», где жил я. А в центре его располагался (и сейчас, слава Богу, располагается) университет, где я хотел учиться. Родители уже не скромничали, когда речь заходила о талантах их младшего сына. Сын не грешил этим с детства. К тому же я получил право голоса в вопросах определения собственной судьбы. Было решено «пытаться». Попытался – поступил. Так, подобно древнерусскому Китоврасу[12], скачущему сразу на семь верст, я очутился в стенах весьма уважаемого высшего учебного заведения.

Птица, улетевшая из тесного гнезда, узник, вырвавшийся на волю, солдат, отпущенный домой после 25 лет службы, поняли бы чувства, охватившие меня в момент прибытия в этот большой город. Полное название учебного заведения, с которым я связал свою судьбу, – Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Вывеска факультета (цитирую): «Факультет искусствоведения и культурологии».

Новый город, новые люди, новые обстоятельства.

Мои сокурсники представляли весьма разношерстную массу. Большинство еще помнило вкус школьного мелка.

[12] Китоврас – мифическое существо древнерусских апокрифов. Название его считают происшедшим от греческого слова – «кентавр».

Некоторые пришли из художественных училищ. У других были за плечами художественные школы. Техникума атомной энергетики не было ни у кого.

Охарактеризую вкратце некоторых студентов.

Например, Андрей В. Это был очень беспокойный человек. Постоянно носящийся по коридору с взлохмаченными волосами, часто – с кучей толстых книжек под мышкой, он напоминал мне Андрея Белого (в ту пору я читал литературные воспоминания). В. был талантлив. Спектр его интересов был очень широк: история религий, фехтование и проч. Общительность его не знала пределов, поэтому круг друзей (скорее, знакомых) – тоже. Он любил говорить, часто выступал на семинарах. Кажется, имел он и другую пламенную страсть – руководить. Из таких людей обычно получаются хорошие работники профсоюзов. Не знаю, где и что он сегодня. Думаю, в первых рядах.

Затем вспоминается Алексей Д. Я до сих пор не понимаю, Что заставило его поступить на факультет искусствоведения. Это был спортсмен. Борец. И хороший борец, судя по количеству поверженных. В последние годы студенчества он работал в охране университета. Весьма художественно проверял пропуска.

Надо упомянуть также Лену А. Это был ходячий сгусток жизнерадостной энергии, незаменимый участник различных проектов. Главные ее приметы: развитая фигура, широчайшая улыбка и разноцветные гольфы. Хотя эксперименты с

прической и макияжем часто не доводили ее до добра. Как и поиски идеального мужчины.

И все же, несмотря на множество отличий, одно из которых было также и в возрасте, существовало что-то очень и очень объединяющее всех нас, студентов. Я бы мог уверять, что это общая увлеченность историей искусства. Но это не так. Вероятно, чувство свободы, неизвестность (а потому и притягательность) будущего, уверенность в том, что все будет хорошо – вот что было связующим.

Как кажется, необходимо вслед за студентами охарактеризовать и некоторых преподавателей. Среди них встречались весьма и весьма колоритные персонажи.

О. С. учила нас, несмышленышей, описывать и анализировать произведения искусства. Но ее лекции мало походили на занятия со студентами. Это был разговор с самой собой. Мало кто понимал смысл ее речей. Сейчас объясню.

Утонченная натура, она была с головой погружена в мир энергетических потоков и художественных переживаний. Целые кварталы воздушных замков возводила она своими витиеватыми фразами перед изумленными студентами. В ее глазах горел священный восторг, иногда священный ужас. Но важнее всего то, что гордилась она не только своим чародейством, но и преподаваемым предметом. Это подкупало и заставляло с еще большим усердием продираться сквозь джунгли ее философско – искусствоведческих построений.

Г. Б. был специалистом по современному западному ис-

кусству и истории джаза. Он был настолько свободен от критических суждений окружающих, что почти не следил за своим внешним видом.

Это был очень умный человек. Г. Б. справедливо полагал, что его задача как преподавателя состоит в том, чтобы заинтересовать студентов, а не доводить их до кипения теорией искусства и датами жизни художников. Его страсть к предмету была такова, что он заставлял студентов узнавать полотна по крошечному кусочку. До сих пор горжусь тем, что сумел узнать дегашную[13] купальщицу по расческе.

Первые месяцы учебы не были лишены обычных излишеств, весьма извинительных в моем возрасте. Однако собственная целеустремленность, воспитанная как противоядие против годами вдалбливаемого в мою душу чувства неполноценности, взяла свое (не хочется думать, но, скорее всего, именно так и окажется, что мой нынешний культурный уровень, вся моя целеустремленность, жизнеспособность, и summa summarum[14] весь я в том виде, который имею сегодня, обязаны издевательствам со стороны «стреловержца»; без них я бы остался представителем малолетних «середняков»; циркач разбудил во мне спортивную злость; кроме того, попытки «не быть в массе» включали в себя чтение недоступной большинству литературы – все мы «родом из дет-

[13] Эдгар Дега (1834–1917) – французский живописец, один из представителей импрессионизма.

[14] «Summa summarum» – «в конечном итоге»(с лат.).

ства»). Не последнюю роль здесь сыграло и недреманное око родителей. Не буду рассказывать о бессонных ночах перед экзаменами, вспотевшей зачетной книжке, крепком сне на лекциях и прочих радостях студенческой жизни. Главное – другое. Я начал писать стихи. В ту пору это было спорадически возникавшее желание взять авторучку и что-то выразить. Я еще не понимал, что и как. Но желание уже было налицо.

Учась в университете, я посещал курсы немецкого языка. Это только подогревало мои филологические увлечения (в школе и техникуме меня знакомили с английским). Я вдумывался в особенности языков, в отличия между ними, изучал художественные произведения и, разумеется, много переводил. Это выработало во мне любовь к словам как таковым, подбору синонимов и антонимов, ярким выражениям и проч., и проч. Я начал записывать свои опусы в особую зеленую тетрадь. Сегодня от них ничего не осталось, я ничего не использовал в нынешних поэтических занятиях. Тем не менее, невозможно переоценить роль той работы в моем сегодняшнем творчестве. Это было нечто вроде запуска механизма, начала вращения вала в одном направлении. Сегодня я понимаю, что то движение было необратимым.

Описываемый период еще не ознаменовался полным погружением в историю и теорию поэзии.

Я просто слышал звон и двигался за ним по мере возможности и способностей. Сегодня понимаю, что именно тогда

начал жить. Именно тогда мышление проснулось для серьезной работы. Я начал проводить параллели, делать обобщения, приводить причину к следствию и наоборот. Приступил к первым – и довольно смешным – попыткам саморефлексии. Результатом чего стало постепенное выявление корня моих детских бед и угрожающее нарастание отрешенности от действительности – этих плевков на асфальте, нецензурных выражений в общественном транспорте, неизбежного пива в руках уральской молодежи по вечерам и т. д. В качестве побочного эффекта выступила нарастающая неприязнь к тихому городу моего детства, даже к его жизнеутверждающему наименованию. Заречный в ту пору казался мне городом-побратимом герценовского Малинова[15].

Со мной было что-то не так. Это американское выражение отражает мое внутреннее состояние (причина) и мироотношение (следствие). Я постоянно чувствовал свою инородность, несоответствие. Иными словами (не моими), ощущал себя дальним родственником человечества. Речь идет не о банальной оторванности от мира, которая свойственна, как считается, творческим личностям и выражается в рассеянности, неприспособленности к жизни, прочих симптомах (хотя это лишь оправдание для разгильдяев и нерях), а о чем- то более глубоком, внутреннем. В данном случае уже

[15] Имеется в виду произведение А. И. Герцена «Записки одного молодого человека» (1840). Прообраз Малинова – город Вятка, где писатель находился в ссылке.

невозможно делать ссылки на пагубное воздействие циркача. Именно поэтому он и нападал, что чуял мою беззащитность, «неотмирность», исходящую от меня. Дети во дворе также знали это и также пытались использовать. И сегодня на улице ко мне постоянно кто- нибудь подходит: осведомляются о времени, спрашивают дорогу, просят денег на метро. Я упоминаю об этом, ибо явление давно вышло за рамки случайности. До сих пор не могу определить эту особенность. Знаю наверняка только то, что она отделяет меня от других людей, делая их мысли и заботы не моими, мои мысли и заботы – не нужными им.

Рассказ о потерянной дружбе

Рассказывая о своих допетербургских годах, не могу пройти мимо истории о потерянной дружбе. С некоторых пор я уверен, что в жизни человека главное значение имеет не любовь, а дружба. Дело в том, что любовь – чувство текучее, непостоянное, она имеет способность переходить в другие чувства, порой прямо ей противоположные, что заметил и выразил мудрый русский народ в поговорках и песнях (я говорю о земной любви). Это во многом «составное» чувство, которое держится на половом влечении, восхищении наличием качеств, которых нет или которые недостаточно выражены в ком-либо.

Именно дружба делает любовь высшим проявлением че-

ловечности, т. к. снижает определяющие воздействия его величества Пола. Отсюда не следует вывод о том, что дружба менее значительна для человека, по сравнению с любовью (уж коли она является ее частью – часть меньше целого). Это проявления одного начала. Я не уверен, что в дружбе, даже на первый взгляд суровой, мужской, нет частицы любви. То же самое с другими с другими человеческими эмоциями, чувствами. Дружба – я имею в виду не «легкий пыл похмелья», и, тем более, не «обмен тщеславия, безделья» [16] – более монолитна и целостна по сравнению с любовью. Она остается сама собой, не переходя в свои противоположности. Либо есть, либо нет. И все. Предел – здесь. Других форм и наименований у настоящей дружбы не существует.

Наши матери работали в одном медицинском учреждении. Мы жили недалеко друг от друга, играли в одной футбольной команде. Когда я пришел в команду, то сразу выделил его среди других. Однако возможности сблизиться не было. Спустя некоторое время мы случайно встретились на школьном футбольном поле, куда он приходил со своими друзьями гонять мяч. Мы все тогда сходили с ума по футболу. Я начал играть все чаще. Спорт нас сблизил. При совместных играх у нас появилось множество других общих занятий. Выяснилось, что мы приблизительно одинаково оце-

---

[16] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Дружба» (1821): «Что дружба? Легкий пыл похмелья,/Обиды вольный разговор,/Обмен тщеславия, безделья/Иль покровительства позор».

ниваем различные явления и события, реагируем на внешние раздражители. Обычно детей сближают инстинкты (интерес к противоположному полу, отношения с родителями, что можно переименовать в проблему свободы волеизъявления и т. д.). Потом, когда интересы вырисовываются четче, они становятся главными определителями в антиномии «свой – чужой». Чем раньше человек начинает общаться с «теми людьми», тем крепче и надежнее дружба.

Думая сегодня о тех отношениях, я прихожу к выводу о закономерности их гибели. События, которые послужили причиной, были на самом деле следствием. Пожалуй, только страсть к футболу да интерес к вечным вопросам связывали нас. Только одно беспокоит меня: почему мы общались так долго? Я думаю, свою роль сыграло подобие обстоятельств: сначала участие в играх за одну футбольную команду, потом окончание учебных заведений, затем поступление в университет. В дружбе, как и любви, ее агония сама превращается в историю отношений между людьми. Сейчас кажется, что мне стоило несколько иначе себя вести, ибо, по всей вероятности, эта была не та дружба, которую описывает Монтень[17], а «обычная», в которой «надо быть всегда начеку, не отпускать узды, проявлять всегда сдержанность и осмотрительность». Сегодня, несмотря на то, что N так и не стал мо-

[17] Мишель Экем де Монтень (1533–1592) – французский философ и писатель. Имеются в виду его рассуждения о дружбе в книге «Опыты». Этьен де ла Боэси (1530–1563) – французский писатель, автор переводов произведений древнегреческих и древнеримских писателей. Близкий друг Монтеня.

им Этьеном де ла Боэси, я часто думаю, что эта дружба все же могла рассчитывать на бóльшие высоты. Утешаюсь словами древнего поэта:»[18] «счастлив тот, кому довелось встретить хотя бы тень настоящего друга.

[18] Речь идет о Менандре (около 343 – около 291 до н. э.), одном из создателей новой аттической комедии.

Акт 3. Культурная столица

Однажды я окончил университет. Это случилось в конце мая Бог знает какого года. Из факта получения красной книжечки автоматически вытекало, что настало время реализации юношеской идеи-фикс. Переезд в Петербург развернулся передо мной во весь свой гигантский рост. Красной полосой подчеркну, что я ни разу не сомневался в целесообразности и возможности такого переезда. Уралу я оставлял своих немногочисленных друзей (мой цинизм подсказывал мне, что краткий промежуток времени оставит от меня, в их душах, только рожки да ножки, но, к счастью, это оказалось справедливым не во всех случаях), родственников (см. ситуацию с друзьями) да боязнь речевых контактов.

Одним из моих первых удивлений в Петербурге была общительность местных жителей. Многие говорят, что жители города на Неве холодны и высокомерны. Мой опыт свидетельствовал об обратном.

Была такая история.

В поисках места работы или учебы я однажды забрел в Академию наук (где, по сведениям поэта, заседал какой-то князь с удобной физиологией[19]). Темные пыльные лестницы

---

[19] «где, по сведениям поэта, заседал какой-то князь с удобной физиологией». См. пушкинскую эпиграмму на князя М. А. Дондукова – Корсакова: «В Академии наук заседает князь Дондук…»

вызывали ассоциации с чем угодно, только не с храмом науки. Тяжелая паутина украшала верхние углы помещений, кофейные пятна декорировали подоконники в духе супрематизма (позднее все выяснилось – время отпусков вышвырнуло за пределы города не только ученых мужей, но и «санитарно-технический персонал», в просторечии «техничек»). Робко ступая по лестницам, я пересекал коридоры и аудитории в поисках живой души. Неожиданно где-то наверху треснула дверь, раздались гулкие шаги, мычащие о приближении человека. Через несколько минут этим человеком оказалась растрепанная дама средних лет, стремительно несущая собственное тело куда-то вниз. Заметив меня, она остановилась. Даже ее синее платье выражало озадаченность. На мой вялый вопрос она прокричала, что мигом закурит сигарету, успокоится и тогда обсудит со мной все, что угодно. И (о, чудо!) через несколько секунд, она уже мирно дымила, отвечая на мои осторожно-наводящие вопросы. Сегодня, когда я уже несколько лет прожил в Петербурге, такое поведение дамы мне не кажется необычным. Тогда же я был поражен ее способностью запросто общаться с первым встречным. Приличие в провинции имеет особенно жесткие рамки. Это объясняется не только меньшей интенсивностью контактов между незнакомыми людьми, как в столичных городах, но и слишком деревянным пониманием библейских правил при значительной роли местных обычаев.

Итак, я переехал в Петербург. Количество нанимаемых

жилплощадей росло пропорционально времени пребывания в городе на Неве. Число знакомств увеличивалось не так быстро, однако это легко объяснялось особенностями моего характера и все теми же обстоятельствами жизни.

Как упоминалось выше, жить я начал в Екатеринбурге, но *жить* – в Петербурге. Бытие постепенно заполнялось. Пребывавшие на Урале зачаточном состоянии поэтические упражнения заявили о себе в полную силу в культурной столице. Этому факту благоприятствовал ряд причин. Дело в том, что переезд подарил мне не только «блестящий Петербург», но и одну из ее обитательниц. По словам Б. Л. Пастернака, искусство есть описание изменившейся действительности, то есть действительности, изменившейся для конкретного человека под влиянием любви. Мне было, что описывать. Вдвойне. Произошли изменения не только в моем мире внутреннем, но и внешнем. Как принято говорить в таких случаях: «изменились декорации». Что касается Петербурга, то подобное его определение не кажется кощунственным, ибо архитектура этого города всегда напоминала мне театральные декорации. Плоские разноцветные дома служили иллюстрацией бессмертного изречения классика о взаимодействии театра, мира и людей.

Вдали от дома

Первые три месяца моего пребывания в городе на Неве

я жил в крайней бедности. Ходил на работу пешком: четырехчасовое путешествие через несколько районов. Покупал готовую кашу в одном необыкновенном магазине, о котором стоит сказать отдельно. Кашу можно было потреблять только при условии жесточайшего голода. В иных условиях организм не шел ни на какие уступки. Магазин был действительно чудесный, некое воплощение земного lerna malorum[20]. Товары оценивались в 2–3 раза дешевле, чем в других местах. Это привлекало в недра сего чуда коммерции тысячи голодных пенсионеров из разных районов города. Они толпами осаждали несчастных продавцов; активно оттесняли конкурентов на обочину жизни. Первое, что мне теперь вспоминается при мысли об этом магазине – хищные, деловитые взгляды покупателей и красные, измученные лица кассиров. После одного-двух визитов сей spectaculum[21] остался лишь наказанием для моей памяти.

Несмотря ни на какую нищету, это было счастливейшее время моего житья в Петербурге. Радость открытий – открытий чего угодно: нового дома, нового человека, новой книги и проч. – захлестывала меня с головой. Я захлебывался от впечатлений. Приходил в музей – меня приняли рабочим – и читал. Потом появлялось дело (как правило, неожиданно), и я носил. Носимым были полотна, инструменты, одежда. Несмотря на то, что я числился рабочим высшей квали-

[20] «Lerna malorum» – «море бед» (с лат.).

[21] «Spectaculum» – «зрелище» (с лат.).

фикации, этой самой квалификации у меня не было. Я мог только принести – унести, поднять – опустить и подержать на весу. На этом профессиональные способности и обязанности исчерпывались. Большинство времени уходило на чтение. Вернее, оно было только частью того, что меня занимало. Оно было частью Приобщения. Надо ли говорить, что почти ежедневно я, пользуясь гордо демонстрируемым пропуском сотрудника музея, посещал Эрмитаж? Вечерами сидел на лавке в некрополе мастеров искусств (в Лавре) и снова читал. По выходным бродил по узким улочкам Петроградской стороны, посещал кафе, где обычно сидел у окна и вел сам с собой многочасовые разговоры. Дождь серебрил дома и прохожих, создавая дополнительный уют моему убежищу. Никто ко мне не подходил. Никто меня не трогал. Это было прекрасно. В то время я еще был почти незнаком с творчеством Бродского. Сегодня же могу сказать, что многие его строки могут служить девизом моей тогдашней петербургской жизни. Например (точно не воспроизведу, но смысл останется), «как хорошо, что меня никто любить на свете не обязан». Властной руки надо мной не было, указующего перста тоже. Разве это не чудо?

Я жил бедно, но счастливо. Потом, по прошествии трех месяцев, ко мне присоединился старший брат, также решивший отправиться на покорение Северной Венеции. Жизнь стала еще беднее и чуть менее счастливой.

Я бедствовал. Хотя ничего пастернаковского не случи-

лось. Лишения были мне вполне по силам[22]. Было бы труднее, если б потерялся музейный пропуск. В таком случае дверь в открывшуюся вселенную захлопывалась и назад впустить смог бы только случай. Но этого не произошло, и я вкушал наслаждение от погружения в Культуру. Чуть позже ситуация сложилась для меня чрезвычайно благоприятным образом. Не могу объяснить это просто удачей. Наверное, без высших сил тут не обошлось. Я начал (в обмен на более заметные дензнаки) работать не руками и поясницей, а головой. Искусствоведение стало моей профессией. И я по сей день не устаю благословлять судьбу.

Наряду с чтением книг я писал. Хотя поначалу, на заре моей карьеры стихотворца, меня мучил один вопрос. Он звучал приблизительно так: «а имею ли я право писать стихи? Кто я такой, чтобы иметь наглость что-то писать, и – тем более! – не скрывать этого? На Колыме не был, на дуэли не стрелялся, из страны не высылался, к суду не привлекался». Поскольку, несмотря ни на какие доводы, стихи продолжали возникать во мне, было необходимо как-то легитимизировать их появление, то есть придать какое-то подобие законности моей если не высокой, то просто болезни. И я решил, что у каждого человека свой путь; что, слава Богу, на моем пути не было (по крайней мере, до последнего времени) осо-

[22] «Я бедствовал. Хотя ничего пастернаковского не случилось…». См. вступление к роману «Спекторский» Б. Л. Пастернака: «Я бедствовал. У нас родился сын./Ребячества пришлось на время бросить./ Свой возраст взглядом смеривши косым,/ Я первую на нем заметил проседь».

бых катастроф; что поэты писали не вследствие, а вопреки; далеко не все узники – поэты и наоборот; что внешние события настолько разнообразны, что на мой век хватит моих собственных «извержений», «наводнений» и прочее.

Позднее я прочел некролог Н. Я. Мандельштам, в котором наткнулся на фразу: «Это гнусная ложь, что великому искусству необходимо страдание». Слова принадлежали нобелевскому лауреату по литературе.

Стихи в ту пору получались другие, по сравнению с уральскими. Мне они казались лучше. Я и сейчас так думаю. Но «лучше» только как этап к другим, более поздним, стихотворениям. Все же что-то в них меня не устраивало. Однажды я пошел в книжный магазин и купил книгу по теории стихосложения. Горизонты моей вселенной вновь расширились. Поначалу я даже растерялся. Но потом принялся за глубокое погружение.

Пришло ошеломление, когда я узнал, что большинство моих стихов написано трехсложниками! Причем почти чистыми. Склонность к этим размерам я не могу объяснить до сих пор. Разумеется, не все мои стихи – дактили, амфибрахии или анапесты. Оказывается, на меня порой находило ямбическое и хореическое настроение (о существовании дольников, тактовиков и остального я тогда еще не подозревал). Сегодня мало что изменилось. Временами пишутся стихи только одним или двумя размерами. Другими, как сознание ни насилуй, не пишется. Потом настроение меняется, на сме-

ну одним приходят другие.

В то время я начал весьма серьезно относиться к технике стихосложения. Я кропотливо подсчитывал количество ударений, отмечал места пиррихиев[23], спондеев, цезур, четко следовал правилу альтернанса и т. д. и т. п. Часто это шло в ущерб Поэзии. Форма подавляла содержание. Тогда я еще не задумывался о возможности их одновременного и мирного сосуществования. Сейчас понимаю, что форма стихотворения есть продолжение его содержания. Одно непосредственно вытекает из другого. Любые попытки рассматривать их отдельно искусственны и могут иметь место лишь как вспомогательные филологические опыты.

Воспоминания о поэзии

Каждому человеку необходим другой, более, на его взгляд, совершенный человек. Это нечто вроде маяка для моряка. Авторитетная личность требуется всем: верующим и не очень, молодым и пожилым, черным и белым. Особенно это касается людей зависимых, несамостоятельных, робких. Да и просто находящихся в начале какого-либо поприща.

В ранний период моего житья-бытья в Петербурге я ощу-

[23] Пиррихий – отсутствие ударения в ямбе или хорее; спондей – стопа ямба со сверхсхемным ударением, то есть два ударения подряд; цезура – словораздел в стихе; правило альтернанса – правило чередования рифмованных стихов с мужскими и женскими окончаниями (стихи с однородными окончаниями могут стоять рядом только в том случае, они рифмуются между собой).

щал себя одним из послов, отправленных князем Владимиром на поиски веры. Поначалу это мне казалось странным, ведь до переезда в Северную Венецию я уже был знаком как с русской, так и иностранной поэзией. В университетские годы я много переводил английских и немецких авторов. Конечно, выбор мой был более чем фантастичен, меня прельщали даже мертвые птички и золотые косы немецких романтиков. До сих пор прихожу в умиление, читая сии незабвенные строки: «Ich kann das Wort nicht vergessen» или «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten»[24]. Тогда это воспринималось не только как последнее слово в поэзии, но и как ее неоспоримые вершины.

Но читал я ту пору иначе, чем в Петербурге. Этот город стал для меня неким катализатором (таким же, как я, знатокам химии подскажу, что по уверениям школьного учебника, катализатор есть «вещество, ускоряющее реакцию, но не входящее в состав продуктов реакции»; одно уточнение: Петербург чаще всего входил «в состав продуктов реакции»). В бытность мою студентом я не видел в стихах ничего, кроме благозвучия и странным образом вырастающего из этого благозвучия смысла. Но это был великолепный период для моего стихотворного будущего. Что-то меня заинтересовало, задело, заставило думать о рифмах и размерах. Поэтому по приезде в Петербург я представлял вполне подготовленную

[24] «Ich kann das Wort nicht vergessen», «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten.». Строки из стихотворений Д. Лилиенкрона и Г. Гейне.

почву. И семена дали ростки.

В первые петербургские месяцы я беспорядочно читал чужие стихи. Мною овладело некое подобие интеллектуальной лихорадки, умственное обжорство в ту пору превзошло все возможные пределы. Я понял, что многое упустил, о многом не подумал, многое не почувствовал. В стихах открывалось что-то совсем нездешнее, неземное. Начинал я с Пушкина (вопреки устоявшемуся мнению о «школьном» Пушкине, никакого отвращения он у меня не вызывал). Через Марину Цветаеву я гренадерской поступью приходил к Мандельштаму, от него – к Ходасевичу, Бальмонту и Блоку, потом прыжок совершался к Щировскому. У каждого я находил что-то созвучное, близкое. Однако в то же время я чувствовал, что мировоззрение этих авторов имеет в себе то, с чем я в корне не согласен. Разумеется, глупо по лирическому герою судить об авторе. Но я читал не только стихи и прозу, но и биографическую и критическую литературу.

Более всех меня затронул Александр Александрович Блок. Вместе со стихами поэта часто перенимается его образ жизни. Причем последний воспринимается крайне поверхностно и упрощенно (это же надо сказать и о стихах: подражатели заимствуют чаще всего лишь технические особенности произведений, уровень мышления гения остается для них недостижимым; по словам Монтеня, «силу и сухожилия нельзя позаимствовать, заимствуются только уборы и плащ»). Это было началом моего периода бури и на-

тиска. Теперь я не воспринимал свою жизнь без рифмованных и нерифмованных строчек. Как большинству неофитов, мне были свойственны преувеличения и излишества. Я стал мрачным, скучным, неразговорчивым. Много времени проводил на улицах ночного Петербурга, забредал в пустые кафе, где заказывал грог и каппучино. Иногда красное вино. В полубезумном состоянии шептал возникающие в мозгу блоковские строки. Спутников и спутниц у меня не было, кроме моих affectus animi[25]. Я медленно сходил с ума. Множество иллюзий были тому причиной. Можно было подумать, что я занят старательным исполнением трех известных заветов В. Я. Брюсова молодому поэту[26]. О чем я думал, кроме незнакомок и пустынных кварталов?[27] Писал стихи. Любая мысль привычно заточалась мной в какой- либо размер. Тогда это были – разумеется! – ямбы. Любое происшествие я бесстыдно эксплуатировал. Безотходное производство. Однако по поводу этих стихов муза, часто выражающаяся на латыни, могла бы сказать: «Plus sonat quam valet!»[28]. Хуже всего то, что и жизнь в отместку перестала меня воспринимать без рифмованных и нерифмованных строчек.

Увлечение стихами Блока, как и любое другое увлечение,

---

[25] «Affectus animi» – «душевные переживания» (с лат.).

[26] «я занят старательным исполнением трех известных заветов В. Я. Брюсова молодому поэту.». См. стихотворение В. Я. Брюсова «Юному поэту» (1896).

[27] «О чем я думал, кроме незнакомок и поэтических кварталов?» См. стихотворения А. А. Блока «Незнакомка» (1906) и «Поэты» (1908).

[28] «Plus sonat quam valet!» – «Больше звона, чем смысла» (с лат.).

не было продолжительным. Оно длилось три – четыре месяца. Постепенно я обнаружил, что в песне под названием «Серебряный век» трагический тенор Александра Блока хоть и определял мелодию, но был далеко не единственным.

И все же это было продолжением блуждания в моем личном темном лесу, ибо свой маяк, ориентир, я так и не обрел.

Учитель

Однажды, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать, я услышал новость по телевизору. Молодая женщина, не выбиваясь из профессиональных интонаций, сообщила о том, что в Америке (Боже, где это?) умер известный поэт Иосиф Бродский. Тогда мое сознание сделало первую отметку в той колее, по которой мне надлежало двигаться в будущем. Помню, что-то неопределенное шевельнулось в бессознательной области, отвечающей за воплощение шестого чувства. Не то чтобы я почувствовал на плечах еще не появившиеся крылья, просто это было – да простятся мне подобные сравнения – первой мыслью зерна об урожае.

Года через три по приезде в Петербург, я впервые открыл книгу стихов Бродского. Маленькая, но упитанная книжечка была сборником «Часть речи». Мне повезло – я сразу наткнулся на лучшее. Нет, нет, я не упал как громом пораженный и не оросил гранитную мостовую слезами восторга. Нечто колоссальное и всеобъемлющее под названием «По-

эзия Иосифа Бродского» заполняло меня постепенно. Я до сих пор считаю, что по степени воздействия на сознание читателя у этого поэта нет равных. И. Ф. Анненский в одной из своих замечательных критических статей в качестве критерия для определения «силы, ценности и красоты» стихов предлагал «внушение» или «поэтический гипноз». Именно этот гипноз – лучше не скажешь – характерен для лучших стихов Бродского. Их можно уподобить огромной воронке, затягивающей сознание. Это не филологическое упражнение с моей стороны, направленное на тренировку употребления гипербол, а попытка сформулировать причину собственных поступков в течение двух лет, последовавших после того момента, как я взял в руки маленькую книжечку под названием «Часть речи». Если быть предельно честным, то эта причина заключается в трех словах: Иосиф Александрович Бродский.

Герой и большая литература

Приблизительно в тот же период произошло мое первое посещение заседания некого литературного объединения. Мне всегда хотелось посмотреть на людей, пишущих стихи. К тому же пишущих старательно и долго. Воображение рисовало мне этаких со взором горящим, с розовыми бантами, иногда заменяемыми деревянными ложками, возможно, в крестьянских рубахах или еще в чем-нибудь поэтическом.

Я показал свои вирши одной поэтессе, волею судеб ока-

завшейся сотрудницей того же федерального учреждения культуры, что и я. Она подарила мне книгу своих стихов и пригласила придти на заседание Лито, членом которого состояла. Стихи ее мне были не близки, их темы меня не волновали. Вообще к женской лирике я отношусь… никак я к ней не отношусь. Она далека от меня. Я даже не могу критиковать или хвалить кого-либо. Тем не менее, на заседание пошел (посмотреть на «живых поэтов»).

Меня постигло разочарование. Шумная компания очень взрослых людей со старушкой – секретарем. Борьба самомнений. Неспособность выслушать мнение оппонента. Нескрываемое сожаление Главного о потере своего времени, которое могло быть потрачено на пополнение поэтических хрестоматий. Выслушав стихи одной начинающей и потому очень волнующейся поэтессы, мэтры высказывали свои мнения. Чаще всего речь шла о недочетах в композиции стихотворе*ния, о* бледности образов, о небрежности к рифмам. Чувствовалось, что мэтры говорят то же самое приблизительно раз в неделю. Потом выступил Главный. Резюмируя вышесказанное, сей суровый господин с тяжелым взглядом долго твердил про тезис и антитезис, про внимание к точности рифмы и т. д. Закончил же он оптимистическим выводом. Последний заключался в том, что большинство недавно вышедших в свет стихов есть перевод бумаги и денежных знаков.

Я вывел из увиденного тезис (пока он не чреват антите-

зисом): на подобные заседания я больше не ходок. До сих пор не понимаю, как можно принимать всерьез чужое мнение о своих стихах. Автор всех лучше умеет оценить свой труд. Мнение другого человека слишком зависит от различных явлений, не имеющих к поэзии никого отношения. Редкие люди могут забыть об этих явлениях. При этом внутренний опыт все равно никуда не пропадает. Судить чужие стихи человек может только по контрасту: А не равно В. Именно это А мешает объективности вердикта. Конечно, можно не приводя аргументов, подавить авторитетом. Но его, во-первых, надо заслужить (на это требуется много времени и сил), во-вторых, некоторых молодых авторов не удовлетворяет просто большой авторитет. Есть такие странные личности.

Совершенно не представляю, как люди могут понимать друг друга полностью, до глубины – разный жизненный опыт, наследственность, прочитанные книги. И совершенно не понимаю: другому как понять меня, ведь для этого необходима «одинаковая настроенность». Если родится взаимопонимание, надо будет потратиться на медь для памятника. Не мне. Ему, другому.

Рассуждения о неких опасностях

Человек дорого расплачивается за интенсивные упражнения на ниве изящной словесности. Кроме чувства одиноче-

ства, рождающегося от отчаянной саморефлексии в ущерб мысли и деятельности о ближнем, лирический поэт зачастую как профессиональную болезнь приобретает пессимизм, безысходность (как правило, они имеют своей причиной то, что ближний платит той же монетой за равнодушие). При этом значительные результаты деятельности часто приводят к непробиваемой гордыне. Впрочем, многие симптомы высокой болезни знакомы всем фанатикам. При этом я вовсе не хочу обвинить поэтов в вышеперечисленных грехах. Поэзия, если рассматривать ее как профессию исключительно умных и восприимчивых людей, а не как кухонную забаву скучающих ветеранов и полузамужних дам, может иметь свои профессиональные болезни. И это совершенно естественно. Например, кузнец со временем глохнет, системный администратор слепнет. Так и с поэтом. Каждое явление имеет как минимум две стороны. Саморефлексия прекрасна и полезна сама по себе (и необходима), но если она становится избыточной, она – опасна. Умный римлянин[29] знал, что говорил, когда восхвалял золотую середину.

Все это, за исключением значительных результатов, имело место и в моей жизни. Я стал невыносим для окружающих. Не слышал других, вопил об общеобязательности любви к поэзии и т. д. При этом я обнаружил в себе интересное свойство: я мог видеть себя со стороны как другого человека.

---

[29] Имеется в виду Квинт Гораций Флакк (65 до н. э. – 8 до н. э.). Поэт «золотого века» римской литературы.

То есть я как бы шел рядом с собой по улице, сидел за письменным столом и заглядывал в тетрадь из-за плеча, помогал себе же покупать книги и проч. Это был эффект постоянного само-присутствия. Он утомлял. Но, надо сказать, сие наблюдалось в моей жизни и раньше. Я почти с наслаждением видел себя страдающим от юношеской любви, умирал от умиления при виде своей благотворительности etc.

В ту пору жизнь напоминала мне один из аттракционов, виденных в Вологде. Он назывался «Паровозик». Несколько маленьких вагонов с открытым верхом двигались друг за другом с минимальной скоростью. Каждому из таких вагончиков было прикреплено по два руля. Во время движения «кибитки» ребенок крутил руль, думая при этом, что управляет своим транспортным средством. На самом деле вагоны двигались по рельсам, по строго запланированному маршруту. До сих пор чувствую себя обманутым ребенком.

Один из выведенных мной на тот момент законов жизни – повторяемость. Она преследовала меня повсюду: в людях, событиях, словах, поступках. Вырваться из этого круга было невозможно. В конце концов, прочтя о нечто подобном в «Защите Лужина»[30], я решил испытать судьбу. Пребывая в одном южном городе, я прошел по высокому краю скалы. При этом я наивно полагал, что приняв вид трупа, скрюченного на дне ущелья, смогу «вырвать себя из круга превращений». Ничего из этого не вышло, да и средство было ма-

[30] «Защита Лужина» (1929) – роман В. В. Набокова.

лоэффективным. Однако мне упорно не хотелось быть, выражаясь словами одного лондонского эмигранта, «отложительным глаголом латинской грамматики и спрягаться страдательно, не будучи страдательным»[31]. Я придумал другое средство. Начал играть в поддавки. Я нарочно создавал ситуации, в которых бы у судьбы был реальный шанс пустить меня по N-ному кругу. Во-первых, это давало возможность сравнения, во-вторых, как писал один поэт, делая зло избыточным, мы придаем ему смехотворность[32], а значит, обезоруживаем его. К сожалению, и на этот раз ничего не изменилось. Почему? Нет однозначно плохого, как нет и однозначно хорошего. Кроме того, все это мало связано с человеком. То есть человек думает, вернее, полагает, захлебываясь от сознания своего величия, что имеет какие-либо отношения с судьбой. Нет. Односторонняя связь.

Со временем, однако, я понял, что это не совсем так. Дело обстояло еще хуже. Связь, отношения, хоть и не на поверхности, но существовали. Я заподозрил, что само мое желание играть с судьбой в поддавки исходило именно от моего оппонента. В конце концов, подавленный ощущением искусственности происходящего, я взял пример с самого честного животного на свете – страуса.

---

[31] «отложительным глаголом латинской грамматики и спрягаться страдательно, не будучи страдательным…». Имеется в виду А. И. Герцен и его «Записки одного молодого человека».

[32] «во-вторых, как писал один поэт, делая зло избыточным, мы придаем ему смехотворность.» Имеется в виду И. А. Бродский.

О свойствах памяти

Иногда я напоминаю скупого рыцаря, неустанно копающегося в собственных тайниках с сокровищами. Отличие между нами лишь в том, что мои сокровища не имеют денежного эквивалента. Внимание к себе было всегда на страже. В одном из вологодских музеев я увидел пенал. Простой деревянный пенал. Он был расписан незамысловато, но мило. Изображения красных ягод в окружении долженствующих быть золотыми листьев заставили меня начать поиск в пыльных архивах памяти. Вернее, поиск был начат автоматически. Вскоре желтая глупенькая собачка, радостно мне сообщила: «найдено документов: 1». Такой же пенал был в моем школьном детстве. В то время, когда мороженое стоило 15 коп. и когда профили трех дядек (один с окладистой бородой a la Сусанин, другой – с бородкой, третий – без бороды, но с усами) казались мне естественной частью пейзажа. Как, например, лес. Или горы. Или солнце. Я почувствовал себя одетым в странный военизированный костюм синего цвета, кем-то варварски дополненный галстуком, который незадолго перед этим был вытащен из малинового компота (судя по оттенку).

Я понял: мое развитие шло вовсе не по прямой от точки «А» («мальчик»), через точку «В» («юноша»), в точку «С» («мужчина»). Моя психика представляет многослой-

ный пирог: на ярлык «мальчик» сверху прилепили наклейки «юноша», затем «мужчина», но суть, основа, осталась прежней. Думаю, подобная картина наблюдается не только у меня.

Мысли о человеческом самолюбии и рассказ о церкви

Как многообразно человеческое самообожание! Катание в карете на Дворцовой площади, свадебное фотографирование в залах Эрмитажа, покупка дорогого платья с гордой демонстрацией торговой марки, чтение Гегеля без внутренней потребности в этом (а чтоб ввернуть цитату где-нибудь), – явления одного порядка. Они имеют в своем корне желание показаться лучше (других), выше, красивее, глубже, чем есть на самом деле. Это одна из своеобразных модификаций потемкинских деревень[33]. Конечно, потемкинские деревни давно стали типовым строительством, но все же они имеют ряд весьма экстравагантных проявлений на разных уровнях человеческой жизнедеятельности.

Рискну заслужить упрек в постоянных повторах. Каждое явление многообразно в своей сложности. Но и это его свойство имеет как минимум две стороны: положительную и отрицательную (условно их так обозначим). Имеется возможность, как бы проходя между всех оценочных характеристик,

[33] «Потемкинские деревни.». Бутафорские селения, якобы выстроенные по указанию Потёмкина вдоль маршрута императрицы Екатерины II.

использовать каждое явление и его свойства для созидания. Например, та же саморефлексия. Она развила мои эгоистические наклонности (кто из нас без этого греха?). При этом помогла не только увидеть произошедшее, но и осознать, понять себя, оценить свои возможности и недостатки. Впрочем, точнее выражаясь, ее главной заслугой было то, что она стала дорогой в церковь.

Человек есть на 99 % сумма наследственности и личного опыта. Оставшуюся часть занимает в нем некий метафизический момент. Именно он – лучшее в человеке и именно он по большей части «отвечает» за какие бы ни было верования, не исключая религиозные.

Однако постараюсь сразу избавиться от вопросов. Я не воцерковлен до сих пор, вряд ли в ближайшее будущее это произойдет. Обо всем по порядку.

Не могу сказать, что случайно оказался в храме в то зимнее утро. Путь туда по длине приблизительно равнялся списку прочитанных книг. Это были разные книги. Усиленное занятие своей душой включало в себя чтение философской литературы. После чтения греков и римлян (ближе всех оказались стоики), я перешел к истории философии Гегеля. Все это было интересно, мудро, глубоко. Во многом это оказало на меня формирующее действие. И все же чего-то недоставало. Последним звеном в этой цепи стало простое сопоставление фактов. И я пришел в храм.

Было около десяти часов утра. Раньше меня пришли толь-

ко тишина да свет. За окном мороз превращал порт в подобие пристани царя Гвидона. Я осмотрелся и занял наблюдательную позицию в уголке, возле железных лесов. Они были похожи на клетку для животных. Постепенно народ заполнял помещение. Как студенты на лекцию, верующие приходили на службу на всем ее протяжении. Все были похожи друг на друга. Они улыбались, приветствовали друг друга поцелуями, оживленно что-то обсуждали. Затем их лица принимали сосредоточенное выражение. Дети были с родителями. Потом много пели, произносили вслух молитвы, вставали на колени, подходили к священнику. Я зорко следил за происходящим. В один момент я даже почувствовал нечто, с чем ранее не сталкивался, и это нечто изменило меня и ведет до сих пор.

Однако позднее впечатления от службы вылились лишь в этнографический интерес. Книги меня привели в храм, книги меня и вывели оттуда. Одно время я прилежно посещал службы, читал православную литературу. Сейчас убежден, что этого не стоило делать. Сохранил бы большее доверие к православной Церкви. Я читал книги весьма многочисленных авторов. Попытки верующих «притянуть» исторические факты под свои схемы вполне объяснимы (например, Платон – ученик Моисея), но для меня неприемлемы. Претили постоянные недомолвки, искажения и, выражаясь современным языком, «двойные стандарты». Это стало одной из причин моего расставания с мировоззрением правоверного

православного. Другой причиной стал повтор. Постоянный повтор, о котором я говорил выше. Другими словами, мне, как подпольному человеку, вместо хрустального дворца подсовывали либо курятник, либо капитальный дом. Ни то, ни другое меня не устраивало.

Что я могу сказать в итоге? Православные службы теперь не посещаю, религиозных книг не читаю, в богословские диспуты не вступаю. Но атеистом не стал.

И вновь о поэзии

Возвратимся чуть назад. Мышление мое жило и осуществляло свои непосредственные функции под влиянием стихов и биографии Иосифа Александровича Бродского. Факты из биографии поэта, а также его слова, мысли – о поэзии и вообще о происходящем в мире – не менее значимы, чем его стихи. Я до сих пор уверен: важно не только, что случилось с поэтом, но и то, что он об этом думает (порой это даже важнее).

Теперь мои мысли бродили в строго очерченном круге, линия которого составлялась из опорных столпов в виде стихов К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама, А. А. Блока, В. Ф. Ходасевича, Б. Л. Пастернака, В. Е. Щировского, И. А. Бродского. Но главной триадой в этом сонме моих свя-

тых были Пушкин, Щировский[34], Бродский.

Главными достоинствами стиха я считаю глубокую мысль, яркий образ. Люблю, когда смысл разворачивается постепенно: из сжатой формулы в бездну осмысленности. Большое значение тут приобретает склонность поэта к афористичности выражения. Однако излишества вредны и здесь – стихотворение не должно быть набором громкогромыхающих формул.

При этом в техническом смысле стихотворение также должно быть безупречным. Неряшливость в «механике стиха» свидетельствует о неряшливости сознания. Что касается рифмы, то я считаю, что она зависит от замысла поэта. Можно использовать достаточную рифму, можно богатую, ассонанс – что угодно, лишь бы это вытекало из «идеи» стихотворения.

Мне нравятся языковые фокусы, если они не превращаются в самоцель. Например, в названии одного из моих стихотворений «Мириады героев» внимательный человек может увидеть «Гомер Илиада»; в строчке из другого стихотворения на античный сюжет (но не на античную тему) «Ликом единым похож на героя…» заключено имя Ликомед и т. д. Но повторяю, это не должно превращаться в самоцель. Когда поэт хочет что-либо подчеркнуть аллитерацией, он не должен превращать свой стихотворение в древнегерманский стих. Как бы то ни было, необходимо всегда помнить, что

[34] В. Е. Щировский (1909–1941) – русский поэт. При жизни не публиковался.

рифма, аллитерация, какие – либо ритмические изыски и проч. – лишь средства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.